

ОКСАНА ЮРЬЕВНА РЕПУХОВА

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук

Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-0348-2629; Repukhova@yandex.ru

СЕКРЕТНО-МОБИЛИЗАЦИОННОЕ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВО В СССР В ПРЕДВОЕННОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ

А н н о т а ц и я . Изучение истории мобилизационной подготовки в межвоенный период в СССР сохраняет острую актуальность. Одним из достижений советской мобилизационной подготовки было формирование системы секретно-мобилизационного делопроизводства в гражданских учреждениях, организациях и предприятиях. В статье представлен сравнительный анализ впервые вовлекаемых в научный оборот инструкций по секретно-мобилизационному делопроизводству в СССР 1930-х – начала 1940-х годов в городских и районных исполнительных комитетах. Анализируемые документы позволяют составить представление о регламенте обеспечения секретности мобилизационного делопроизводства указанного периода. Обоснованы выводы о том, что секретно-мобилизационное делопроизводство являлось частью системы советской общегосударственной мобилизационной подготовки и развивалось в течение предвоенного десятилетия, отражая ее изменения. В 1930 году впервые была разработана «рамочная» инструкция по ведению секретно-мобилизационного делопроизводства в гражданских учреждениях и организациях. Опыт предвоенного десятилетия позволил выработать репрезентативный делопроизводственный порядок, соответствующий сложившейся к началу 1940-х годов системе мобилизационной подготовки в стране. Показаны изменения в регламенте и технике секретно-мобилизационного делопроизводства, требованиях к его организации, сотрудникам и их функциям, выявлены основные направления и тенденции в развитии общегосударственной системы мобилизационной подготовки в динамике предвоенного десятилетия.

К л ю ч е в ы е с л о в а : мобилизационная подготовка в СССР, секретно-мобилизационное делопроизводство, районные и городские исполнительные комитеты

Д л я ц и т и р о в а н и я : Репухова О. Ю. Секретно-мобилизационное делопроизводство в СССР в предвоенное десятилетие // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 3. С. 50–57. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.886

ВВЕДЕНИЕ

История мобилизационной политики Советского государства в условиях модернизации межвоенного периода вызывает значительный интерес современных исследователей. Анализируются ее роль и значение в модернизации страны [11], ее политические, экономические [9], пространственные аспекты [8]. При этом к осмыслению секретности как специфической особенности советского общества межвоенного периода обращались отечественные и зарубежные авторы в контексте изучения истории «партийной тайны» [2], форм политического контроля за распространением информации, настроениями в советском обществе [3], истории государственного контроля путем введения паспортной системы и администрирования на районном уровне [14], режимности на предприятиях [13] и в уч-

реждениях [15]. Исследования специалистов позволили выявить многоуровневость советской секретности [7: 125], показать широкую трактовку «государственной и партийной тайны» [7: 129], раскрыть организацию защиты информации путем ограничения и фильтрации органами безопасности круга лиц, имевших к ней доступ. Важное значение имеют выводы об истории советского государственного делопроизводства в целом [1].

Ограниченный доступ к архивным фондам, позволяющим изучать историю мобилизационной подготовки, открылся сравнительно недавно [12: 14], а источники делопроизводственного характера фактически не введены в научный оборот. Первые упоминания о многоуровневой системе секретности в отношении информации, касающейся вопросов мобилизационной под-

готовки, появились в исследованиях на рубеже 1990-х – 2000-х годов [4: 10]. В работах последних лет рассмотрены советские принципы защиты информации и критерии отнесения сведений к государственной тайне [5], поставлены вопросы о специфике изучения истории защиты гос-тайны [6], впервые упоминается «Инструкция по ведению секретных и мобилизационных работ и делопроизводства в учреждениях и на предприятиях», утвержденная в 1940 году СНК СССР [5: 54]. Таким образом, историографическая традиция изучения истории формирования советского секретно-мобилизационного делопроизводства в гражданских учреждениях и организациях только складывается.

История становления и развития советского секретно-мобилизационного делопроизводства как деятельности, обеспечивающей документирование, документооборот, оперативное хранение и использование документов, отражающих мобилизационную подготовку в период 1930-х – начала 1940-х годов в гражданских учреждениях и организациях, представляет научный интерес. В 1930-х годах в СССР впервые складывалось секретно-мобилизационное делопроизводство на общегосударственном уровне, был разработан делопроизводственный порядок для всех мобилизационных органов гражданских учреждений и организаций от союзных до районных. Накопленный в течение предвоенного десятилетия опыт позволил выработать максимально полный делопроизводственный регламент, соответствующий сложившейся к началу 1940-х годов системе мобилизационной подготовки в стране. В этом смысле особенно перспективно изучение впервые вовлекаемых в научный оборот инструкций секретно-мобилизационного делопроизводства 1930 и 1941 годов. Сравнительный анализ по выборочным позициям указанных документов, их верификация с другими источниками, выявленными в федеральных (ГА РФ, РГВА, РГАЭ) и региональных (НА РК, ЦГА СПб) архивах, позволяют составить представление о правилах и технике секретно-мобилизационного делопроизводства, требованиях к его организации, сотрудникам, их функциям, выявить основные направления и тенденции в развитии общегосударственной системы мобилизационной подготовки в динамике предвоенного десятилетия.

* * *

Переломным в формировании системы советской мобилизационной подготовки был 1930 год. В апреле был разработан первый общегосударственный мобилизационный план (МП 1930 года), включавший в себя эвакуационный план. Начиная с конца 1920-х годов

в союзных и объединенных наркоматах и ведомствах были сформированы мобилизационные отделы (или бюро) [9: 57]. Ситуация, когда сотрудники моботделов выполняли мобилизационную работу как дополнительную нагрузку, по совместительству, не оправдывала себя, и мобработку рассматривали как основную. С 1930 года начали вменять функции по мобподготовке в компетенцию районных (и городских) исполнительных комитетов (исполкомов). Система мобподготовки приобрела вертикальную структуру. Моборганы были созданы на всех уровнях исполнительной власти государства: от общесоюзных, республиканских до районных [9: 57].

В следующее десятилетие система общегосударственной мобподготовки развивалась с точки зрения управления, структуры и направлений реализации: от сформулированных в наиболее общем виде в 1920-х годах¹ к конкретным для исполнения низовыми административными аппаратами (РИК, горсовет, сельсовет) в 1930-х – начале 1940-х годов. Одним из результатов ее развития была разработка МП, которые в течение напряженного предвоенного десятилетия приходилось неоднократно корректировать (в 1933, 1935, 1938, 1940 годах²) как с учетом изменений внешнеполитических угроз для Советского государства, так и в связи с утечками секретно-мобилизационной информации.

Секретно-мобилизационное делопроизводство являлось частью системы советской общегосударственной мобподготовки. Его развитие в течение предвоенного десятилетия отражало изменения системы мобподготовки: с момента введения первого общесоюзного МП в 1930 году и до рубежа 1940–1941 годов, когда МП 1940 года разрабатывали уже на фоне начавшейся Второй мировой войны.

По мере вовлечения в процесс мобподготовки гражданских учреждений, расширения направлений мобработки, разветвления мобаппарата и, соответственно, увеличения численности гражданских служащих – мобработников, получивших доступ к секретной информации, нарастала потребность в организации и регламентации их взаимодействия с целью предотвращения утечек о мобилизационном и эвакуационном планировании.

Необходимость четкой организации секретно-мобилизационного делопроизводства и дисциплины в ее соблюдении была связана, помимо прочего, с тем, что сотрудники в мобаппарате гражданских учреждений чаще всего не имели военного или другого опыта службы в силовых структурах. С созданием мобилизационных органов в 1930 году на уровне РИКов,

горсоветов, сельсоветов, когда мобработка стала зоной ответственности председателей сельсоветов и правлений колхозов, директоров совхозов³, круг лиц, имевших доступ к информации по проведению мобподготовки, расширился и обеспечить его укомплектование подготовленными специалистами было сложно.

Для оказания помощи низовому административному аппарату в организации мобподготовки (составление заявок к МП и его исполнение) на места были направлены комиссии и инструкторы по мобработе⁴. Были организованы специальные обучающие курсы для мобработников [10]. Но в начале 1930-х годов даже теория организации мобработки на уровне местной исполнительной власти была плохо продумана. При подготовке курсов мобработников гражданских учреждений при штабе РККА Московского военного округа в 1930 году их организаторы ожидали, что самые большие трудности в преподавании вызовут именно темы «Мобработка и мобплан РИКа», «т. к. на этот счет очень мало имеется руководящих указаний...»⁵.

Таким образом, в начале 1930-х годов сложилась ситуация, когда по мере вовлечения в общегосударственную мобподготовку исполнительных органов на местах остро требовалась регламентация секретно-мобилизационного делопроизводства. В октябре 1930 года ОГПУ была разработана и введена инструкция по ведению единого секретно-мобилизационного делопроизводства в райисполкомах⁶. Это было сделано впервые, поскольку прежний регламент делопроизводства, разработанный военным ведомством, не был предназначен к применению низовой гражданской исполнительной властью. Спустя десять лет, на рубеже 1940–1941 годов, на основе приобретенного опыта мобработки инструкция 1930 года была переработана, дополнена и утверждена в 1941 году как инструкция по ведению секретных и мобилизационных работ и делопроизводства в исполнительных комитетах районных и городских Советов депутатов трудящихся⁷.

Если инструкция по ведению единого секретно-мобилизационного делопроизводства в райисполкомах 1930 года содержала всего 6 разделов (Общее положение, Помещение секретного делопроизводства и хранение документов, Техника секретного делопроизводства, Прием пакетов и исполнение секретной корреспонденции, Конвертирование и отправка секретных пакетов, Заключительная часть) (46 пунктов сквозной нумерации)⁸, то в документе 1941 года издания выделено 14 разделов и приложения (109 пунктов сквозной нумерации)⁹.

В текст инструкции были введены новые разделы: О порядке обращения секретных докумен-

тов внутри учреждения и предприятия, О порядке печатания секретных материалов, О порядке уничтожения секретных и мобилизационных документов или дел, О секретных и мобилизационных архивах, Организация секретных заседаний (совещаний) и обращение с секретными материалами на них, О пользовании секретными материалами при командировках, О порядке приема и сдачи дел секретного (мобилизационного) отдела, Порядок инспектирования секретных и военных (мобилизационных) отделов, О порядке пользования инструкцией и ответственность за нарушение секретности. Содержание внесенных в 1941 году в текст инструкции новых разделов регламентировало те формы взаимодействия по мобподготовке, которые активно реализовывались в течение 1930-х годов, но либо не были освещены в инструкции 1930 года, либо были затронуты поверхностно.

Другие разделы, уже предусмотренные в инструкции 1930 года, значительно выросли по объему за счет детального описания регламента действий. Например, в инструкции 1930 года раздел «Конвертирование и отправка секретных пакетов» содержит три абзаца довольно общих фраз, а в инструкции 1941 года конвертированию секретной и мобкорреспонденции посвящено 8 пунктов, содержание которых не предполагает двойного толкования¹⁰. Необходимость расширения содержания разделов в инструкции, их конкретизация были продиктованы негативными прецедентами в практике мобработки 1930-х годов.

В 1930 году для ведения секретно-мобилизационного делопроизводства в районном исполкоме, помимо других отделов (общего, земельного, финансового, административного и других¹¹), были сформированы секретные отделы. Для ведения мобделопроизводства был назначен ответственный – заведующий секретным мобделопроизводством. Это была его основная работа, но инструкция 1930 года позволяла, в случае небольшой нагрузки, привлекать его для выполнения других функций по совместительству. В больших районах, где предполагалась значительная по объему секретная переписка, выделяли дополнительную штатную единицу уполномоченного, на которого возлагалась обязанность по ведению секретной переписки по совместительству¹².

К 1940 году секретные отделы РИКов, состоявшие из одного заведующего секретным мобделопроизводством, переросли в секретные части, включавшие как минимум начальника части и машинисток секретных и мобилизационных документов. Более того, руководитель РИКа, горсовета исходя из реальной ситуации вырабатывал и утверждал номенклатуру должностей,

связанных с секретными и мобилизационными документами и работами¹³. Причем, если инструкцией 1930 года допускалось, в случае недостаточной нагрузки машинистки секретной работой, ее привлечение к печатанию несекретной переписки¹⁴, то в инструкции 1941 года такая возможность даже не упоминается. Аналогичная ситуация была с рабочей нагрузкой начальника секретной части: возможности привлечь его для выполнения других функций в инструкции 1941 года нет. Объем секретно-мобилизационного делопроизводства вырос.

Кандидаты на замещение должностей в секретной части должны были быть членами ВКП(б) и иметь безупречную репутацию. В 1930 году кандидата на должности, связанные с секретно-мобилизационной работой в сельсовете, еще могли назначить без предварительного согласования в районном отделении ОГПУ¹⁵. Инструкция 1941 года предписывала, что кандидаты на должности, связанные с секретными и мобилизационными работами и документами, должны получить разрешение в НКВД¹⁶.

Для оформления допуска согласовываемого кандидата на должность в секретную часть в начале 1930-х годов необходимо было представить в органы госбезопасности анкету и рекомендации от двух членов ВКП(б). Инструкция 1941 года повысила эти требования: анкета сопровождалась фотокарточкой, подробной автобиографией, политическим и деловым отзывом (характеристикой) с последнего места работы оформляемого и препроводительным письмом руководителя исполкома, в котором подробно обосновывалась необходимость допуска кандидата к секретно-мобилизационной работе¹⁷. Оформление и согласование допуска к секретным работам и документам осуществлялось так, чтобы сам кандидат об этом не знал¹⁸. Районный отдел органа госбезопасности оформлял принятое после проверки решение специальным извещением. Затем кандидат проходил инструкцию и давал подписку о неразглашении государственной тайны¹⁹.

В инструкции 1941 года дополнительно подчеркивалось, что работник, отведенный органами НКВД от секретной или мобработки, ни в коем случае к ней не допускался, при этом категорически было запрещено ссылаться на органы НКВД²⁰. В случае дальнейшего увольнения сотрудника с секретно-мобилизационной работы исполком направлял в райотдел органа госбезопасности извещение о причинах увольнения и снятии с учета, а также подробную характеристику на него. Увольняемый сотрудник снова предоставлял подписку о неразглашении государственной тайны²¹.

Круг обязанностей сотрудников секретной части в течение предвоенного десятилетия оставался таким, каким его сформировали в инструкции 1930 года²². Однако в начале 1940-х годов формулировки функциональных обязанностей были конкретизированы и расширены с точки зрения ответственности за сохранение государственной тайны: организация постановки секретного делопроизводства и обеспечение сохранения государственной тайны; наблюдение за правильным обращением с секретными материалами; обработка секретной переписки; учет сотрудников, допускаемых к секретным и мобилизационным документам; исполнение секретной переписки по поручению руководителя; организация и ведение секретного архива; организация хранения и правильного использования множительных аппаратов²³.

Отметим, что рост объема секретно-мобилизационного делопроизводства сказался даже на периодичности внутренней ревизии наличия документов: если инструкция 1930 года требовала, чтобы заведующий секретным мобделопроизводством производил проверку наличия документов по описи с регулярностью раз в десять дней²⁴, то в инструкции 1941 года указано требование проводить подобную проверку один раз в месяц²⁵.

Для ведения секретно-мобилизационного делопроизводства с начала 1930-х годов в здании местного исполкома требовалось выделить изолированное помещение, вход в которое был категорически запрещен для посторонних лиц. На ночь помещение опечатывали. Даже его уборка проводилась в присутствии сотрудника секретного делопроизводства²⁶. Для выдачи справок, приема секретной корреспонденции было предусмотрено отдельное помещение, «устроен барьер или прорезано окошко»²⁷. Хранение секретно-мобилизационной корреспонденции и документов разрешалось только в негорючих шкафах. Изымать секретные документы и работать с ними «на дому» категорически запрещалось²⁸.

К концу предвоенного десятилетия алгоритм хранения секретных и мобилизационных документов в целом оставался прежним, но в инструкции 1941 года он описан более подробно (объем информации вырос в два раза), содержит детали, которые прежде не учитывались: о креплении легких сейфов, хранении ключей от хранилищ учреждения, противопожарном обеспечении помещения секретной части, требованиях к дверным замкам и решеткам на окнах и т. п.²⁹ Важно отметить, что инструкция 1941 года указывала на обеспечение хранения мобилизационных документов и дел в сейфах отдельно от секретных документов³⁰.

К началу 1940-х годов был существенно упорядочен регламент техники секретно-мобилизационного делопроизводства. Если в инструкции 1930 года этому вопросу посвящено три раздела, информация в которых размещена отчасти хаотично³¹, то в инструкции 1941 года последовательно и подробно изложен порядок учета, регистрации, рассылки секретных и мобилизационных документов, порядок обращения документов внутри учреждения, порядок печатания документов, порядок учета и ведения секретно-мобилизационных дел³². Об уровне детализации техники секретно-мобилизационного делопроизводства можно судить по описанию порядка конвертирования корреспонденции, содержащей указания вплоть до типа прошивки конверта и вида иглы³³. А негативный опыт, связанный с утечкой информации о мобработе, например, получил отражение в описании функциональных обязанностей машинистки, вплоть до директивы о том, что «за разбором непонятных слов в черновике машинистка обращается к заведующему секретной частью или к работнику, давшему для печати документ»³⁴.

Репрезентативным к ситуации в начале 1940-х годов было включение в инструкцию раздела о секретных и мобилизационных архивах. Если в инструкции 1930 года о ведении и хранении архива только упоминается как об обязанности ответственного за секретно-мобилизационное делопроизводство³⁵, то в документе 1941 года заданы регламент оформления архивных дел и их передача, согласно постановления ЦИК и СНК СССР от 5 февраля 1936 года, в областные архивные управления НКВД³⁶. Впервые были прописаны действия сотрудников секретной части в условиях оперативной эвакуации в пограничной полосе. При этом секретные материалы, необходимые для текущей работы в исполкомах, расположенных в пограничной полосе, были разделены на категории: 1-й категории материалы, подлежащие эвакуации в случае угрозы, и 2-й – подлежащие уничтожению на месте. Распределение материалов по этим категориям утверждалось председателем исполкома³⁷.

В течение предвоенного десятилетия объемом секретной и мобилизационной корреспонденции значительно вырос, и это потребовало привлечения к ее доставке всей сложившейся в стране почтовой сети. Если в начале 1930-х годов иногороднюю секретно-мобилизационную корреспонденцию пересылали через фельдьегерскую связь ОГПУ и только в те населенные пункты, где фельдсвязь не была установлена, документы пересылали через пункты НКПТ почтой «Особой важности»³⁸, то согласно инструкции 1941 года эту пересылку осуществляло Управление Специальной связи НКС СССР³⁹. При этом

следует учитывать, что требования мобподготовки к почтовым служащим были сформированы органами госбезопасности еще в 1920-х годах. Кроме того, ситуация свидетельствовала о том, что часть несвойственных органам госбезопасности функций в начале 1940-х годов были переложены на наркоматы, характер работы которых более им соответствовал.

Согласно инструкции 1930 года, отправка секретно-мобилизационных документов в учреждение производилась в пакетах с указанием уровня секретности и срочности корреспонденции литерами, введенными фельдьегерским корпусом («А», «В», «К»). Серией «К» пересылалась совершенно секретная и секретная (срочная и несрочная) корреспонденция, предназначенная, ввиду ее особой важности или персональной принадлежности, только в собственные руки (под личную расписку на конверте) адресата. Серией «А» пересылали совершенно секретную и секретную срочную секретно-мобилизационную корреспонденцию, серией «В» – остальную совершенно секретную и секретную переписку⁴⁰. Разделение всех секретных и мобилизационных документов на две категории: совершенно секретные и секретные, правила применения литер сохранились и в начале 1940-х годов⁴¹.

Инструкция 1941 года содержала важное уточнение в распределении сведений между совершенно секретной и секретной перепиской, свидетельствующее о направлениях мобработы на уровне районных и городских исполкомов. К совершенно секретной переписке были отнесены сведения о МП исполкома и все относящиеся к нему материалы; решения суженных заседаний (СЗ) исполкома и материалы проверки исполнения этих решений; переписка по укомплектованию людским составом и материалами войсковых частей; отвод помещений для войсковых частей; поставка для армии автотранспорта, повозок и упряжи; заявки войсковых частей по оборонному строительству; вопросы, связанные с местной противовоздушной обороной; вопросы материального обеспечения капитального строительства НКО и НКВД; организация госпиталей; переписка по вопросам мобилизационного фонда⁴². К секретной переписке были отнесены сведения по отводу военному ведомству земель под оборонное строительство; вопросы о выполнении спецзаказа местными предприятиями; сведения о заболеваемости скота; вопросы организации секретного и мобилизационного делопроизводства⁴³.

Показателем негативных прецедентов в практике мобработы 1930-х годов и роста уровня секретности было введение в инструкцию 1941 года специального раздела об организации и проведении секретных заседаний исполкомов, посвященных вопросам мобподготовки⁴⁴. Инструк-

ция 1930 года содержала общее указание о том, что вопросы мобработки должны обсуждаться на закрытых заседаниях без секретарей и докладчиков с ведением протокола самим председательствующим⁴⁵. С февраля 1931 года эти закрытые заседания были преобразованы решением СНК РСФСР в СЗ президиумов РИКов. В инструкции 1941 года были представлены детальный регламент проведения секретных СЗ и обращение с секретными материалами на них. Особо секретные СЗ должны были проводиться руководителем учреждения, без секретарей и со строго ограниченным кругом участников⁴⁶. Более того, в начале 1940-х годов список членов секретных СЗ не был утвержденным: выдача постоянных мандатов представителям исполкомов, участвующих в секретных заседаниях, или постоянных справок об их допуске к секретным работам была запрещена. На каждое секретное заседание мандат или справка выдавались отдельно⁴⁷.

Анализ содержания инструкций 1930 и 1941 годов позволяет сделать вывод о проявлении на рубеже 1940–1941 годов тенденции к ограничению вмешательства органов госбезопасности во все без исключения направления реализации мобподготовки, что проявлялось с конца 1926 года и было обусловлено доктриной политической охраны государственной границы. Так, в примечании к разделу о порядке инспектирования секретных и мобилизационных (военных) отделов указан перечень видов деятельности, которые могли самостоятельно обследовать органы НКВД: ведение делопроизводства, порядок обращения и хранения мобилизационных документов, порядок допуска к этим документам,

состояние помещения и охраны⁴⁸. А вот проверке мобготовности и существа мобработки представители органов НКВД могли проводить только по поручению Комитета Обороны при СНК СССР⁴⁹, влияние которого возросло в связи с началом Второй мировой войны в 1939 году.

ВЫВОДЫ

Секретно-мобилизационное делопроизводство являлось частью системы советской общегосударственной мобподготовки и развивалось в течение предвоенного десятилетия, отражая ее изменения. С вменением функций по мобподготовке в компетенцию районных и городских исполкомов с начала 1930-х годов в СССР был впервые разработан «рамочный» секретно-мобилизационный делопроизводственный порядок для гражданских учреждений. На основе опыта проведения мобработки в предвоенное десятилетие регламент обеспечения секретности и техники секретно-мобилизационного делопроизводства были значительно расширены и детализированы в 1941 году. Требования к обеспечению секретности делопроизводства и сотрудникам секретных частей возросли. В содержании инструкций получили отражение эвакуационное планирование, направления мобработки на уровне районных и городских исполкомов, регламент проведения секретных суженных заседаний исполкомов, разграничение сфер контроля мобработки между органами безопасности и военным ведомством. Опыт предвоенного десятилетия позволил выработать репрезентативный делопроизводственный регламент, соответствующий сложившейся к началу 1940-х годов системе мобилизационной подготовки в стране.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 8418. Оп. 1. Д. 111. Л. 13–61.

² Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 92. Д. 209. Л. 218.

³ Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. Р 690. Оп. 10. Д. 2. Л. 8–9.

⁴ Там же.

⁵ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 7. Оп. 10. Д. 961. Л. 899–900.

⁶ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 964. Л. 19–11.

⁷ Центральный Государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 7179. Оп. 3. Д. 299. Л. 8–9.

⁸ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 964. Л. 19–11.

⁹ ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 3. Д. 299. Л. 1–34.

¹⁰ Там же. Л. 7.

¹¹ Постановление президиума ЦИК СССР № 42 ст. 433 от 8 августа 1930 г. «О типовых ориентировочных штатах районных исполнительных комитетов» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://istmat.org/node/49994> (дата обращения 10.06.2022).

¹² ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 964. Л. 18.

¹³ ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 3. Д. 299. Л. 3.

¹⁴ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 964. Л. 12.

¹⁵ Там же. Л. 18–17.

¹⁶ ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 3. Д. 299. Л. 3.

¹⁷ Там же. Л. 4.

¹⁸ Там же. Л. 3.

¹⁹ Там же. Л. 4.

²⁰ Там же.

²¹ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 964. Л. 18–17; ЦГА СПб. Ф. Р-7179. Оп. 3. Д. 299. Л. 4.

²² ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 964. Л. 19.

- ²³ ЦГА СПб. Ф. Р-7179. Оп. 3. Д. 299. Л. 2.
²⁴ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 964. Л. 16.
²⁵ ЦГА СПб. Ф. Р-7179. Оп. 3. Д. 299. Л. 2.
²⁶ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 964. Л. 16.
²⁷ Там же. Л. 17.
²⁸ Там же.
²⁹ ЦГА СПб. Ф. Р-7179. Оп. 3. Д. 299. Л. 12.
³⁰ Там же. Л. 11.
³¹ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 964. Л. 16–11.
³² ЦГА СПб. Ф. Р-7179. Оп. 3. Д. 299. Л. 6–11.
³³ Там же. Л. 7.
³⁴ Там же. Л. 10.
³⁵ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 964. Л. 19.
³⁶ ЦГА СПб. Ф. Р-7179. Оп. 3. Д. 299. Л. 14.
³⁷ Там же.
³⁸ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 964. Л. 15.
³⁹ ЦГА СПб. Ф. Р-7179. Оп. 3. Д. 299. Л. 8.
⁴⁰ Там же.
⁴¹ Там же. Л. 6–8.
⁴² Там же. Л. 33.
⁴³ Там же. Л. 33–34.
⁴⁴ Там же. Л. 14–16.
⁴⁵ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 964. Л. 13.
⁴⁶ ЦГА СПб. Ф. Р-7179. Оп. 3. Д. 299. Л. 16.
⁴⁷ Там же. Л. 14–16.
⁴⁸ Там же. Л. 18.
⁴⁹ Там же.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зайцева Е. В. Становление и развитие советского государственного делопроизводства // Экономическая история. 2018. Т. 14, № 4. С. 369–380.
2. Зеленев М. В. Создание и функционирование общесоюзного органа военной цензуры – Отдела военной цензуры при Уполномоченном СНК СССР по охране военных и государственных тайн в 1933–1940 гг. // История книги и цензуры в России. Третьи Блюмовские чтения: Материалы III Междунар. науч. конф., посвящ. памяти А. В. Блюма, 27–28 мая 2014 г. / Науч. ред. М. В. Зеленев. СПб., 2015. С. 248–257.
3. Измозик В. С. Государственный политический контроль за населением советской России (1917–1928). СПб., 2021. 278 с.
4. Килин Ю. М. Карелия в политике Советского государства 1920–1941 гг. Петрозаводск, 1999. 275 с.
5. Куренков Г. А. Защита государственной тайны в СССР как элемент системы обеспечения безопасности страны перед Великой Отечественной войной // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». 2018. Т. 4 (70), № 3. С. 51–59.
6. Куренков Г. А. Специфика изучения истории защиты государственной тайны // Исторические чтения на Лубянке. Отечественные и зарубежные спецслужбы: история и современность: Материалы XXVI междунар. науч. конф. / Сост. А. А. Плеханов. М., 2022. С. 341–348.
7. Парамонов В. Н. Секретность в советском обществе в 1920–1940-х гг. // Вестник СамГУ. 2012. № 2/2 (93). С. 125–133.
8. Побережников И. В. Восточные регионы в контексте российских модернизаций: специфика развития (XVIII – начало XX в.) // Исторический опыт российских модернизаций XIX–XXI веков: специфика регионального развития: Сб. статей / Отв. ред. А. С. Бушуев. Казань, 2012. С. 28–35.
9. Репухова О. Ю. Поиск оптимальной структуры управления общегосударственной «военизацией» в СССР в 1920-х гг. // Исторические чтения на Лубянке. Органы государственной безопасности России в годы реорганизаций и реформ в XIX–XXI веках: Материалы XXIV Междунар. науч. конф. / Сост. А. А. Плеханов, А. Б. Таранин. М., 2020. С. 51–60.
10. Репухова О. Ю. Организация курсов подготовки мобилизационных работников гражданских наркоматов и учреждений Советского государства // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 8 (185). С. 80–84. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.416
11. Сенявский А. С. Мобилизационная модель экономического развития как основа форсированной индустриальной модернизации СССР. Исторический опыт российских модернизаций XIX–XXI веков: специфика регионального развития: Сб. статей / Отв. ред. А. С. Бушуев. Казань, 2012. С. 126–137.
12. Симонов Н. С. ВПК СССР: Темпы экономического роста, структура, организация производства, управление. М., 2015. 500 с.
13. Соколов А. К. Режимность на советских предприятиях // Режимные люди в СССР / [Отв. ред. Т. С. Кондратьева, А. К. Соколов]. М., 2009. С. 99–127.
14. Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня: Пер. с англ. М., 2008. 422 с.
15. Хорхордина Т. И. Хранители секретных документов // Режимные люди в СССР / [Отв. ред. Т. С. Кондратьева, А. К. Соколов]. М., 2009. С. 67–96.

Поступила в редакцию 17.01.2023; принята к публикации 27.02.2023

Original article

Oksana Yu. Repukhova, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-0348-2629; Repukhova@yandex.ru

CLASSIFIED MOBILIZATION RECORDS MANAGEMENT IN THE USSR DURING THE PRE-WAR DECADE

Abstract. The study of the history of mobilization training in the interwar period in the USSR remains highly relevant. One of the achievements of Soviet mobilization training was the formation of a system of secret mobilization records management in civilian institutions, organizations, and enterprises. The article is aimed at conducting a comparative analysis of previously unstudied instructions on classified mobilization records management in the Soviet city and district executive committees during the 1930s and early 1940s. The analyzed documents help to form a picture of the regulations for ensuring the secrecy of mobilization records management in the said period. The article substantiated the conclusions that classified mobilization records management was part of the Soviet nationwide mobilization training system and developed during the pre-war decade, reflecting the changes of this system. In 1930, the first-of-its-kind “framework” instruction on classified mobilization paper management in civil institutions and organizations was developed. The experience of the pre-war decade made it possible to develop a representative documentation management procedure that corresponded to the country’s system of mobilization training formed by the early 1940s. The article traces changes in the regulations and techniques of classified mobilization paper management, and the requirements for its organization, employees and their functions. It also identifies the main directions and trends in the development of the national mobilization training system in the dynamics of the pre-war decade.

Keywords: mobilization training in the USSR, classified mobilization records management, district and city executive committees

For citation: Repukhova, O. Yu. Classified mobilization records management in the USSR during the pre-war decade. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(3):50–57. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.886

REFERENCES

1. Zaitseva, E. V. Formation and development of state records management in the Soviet period. *Russian Journal of Economic History*. 2018;14(4):369–380. (In Russ.)
2. Zelenov, M. V. Creation and functioning of the all-Union body of military censorship – the Department of Military Censorship under the Commissioner of the USSR Council of People’s Commissars for the Protection of Military and State Secrets in 1933–1940. *History of books and censorship in Russia. The III Blum Readings: Proceedings of the III international research conference in memory of A. V. Blum*. St. Petersburg, 2015. P. 248–257. (In Russ.)
3. Izmozik, V. S. State political control over the population of Soviet Russia (1917–1928). St. Petersburg, 2021. 278 p. (In Russ.)
4. Kilin, Yu. M. Karelia in the politics of the Soviet state, 1920–1941. Petrozavodsk, 1999. 275 p. (In Russ.)
5. Kurenkov, G. A. Protection of state secrets in the USSR as a part of the security system of the country before the Great Patriotic War. *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Historical Science*. 2018;4(70),3:51–59. (In Russ.)
6. Kurenkov, G. A. Specifics of studying the history of protecting state secrets. *Lubyanka Historical Readings. Russian and foreign special services: history and modern times: Proceedings of the XXVI international research conference*. (A. A. Plekhanov, Ed.). Moscow, 2022. P. 341–348. (In Russ.)
7. Paramonov, V. N. Privacy in Soviet society in 1920–1940s. *Vestnik of Samara State University*. 2012;2/2(93):125–133. (In Russ.)
8. Poberezhnikov, I. V. Eastern regions in the context of Russian modernizations: specifics of development (XVIII – early XX centuries). *Historical experience of Russian modernizations of the XIX–XXI centuries: region-specific development: Collection of articles*. (A. S. Bushuyev, Ed.). Kazan, 2012. P. 28–35. (In Russ.)
9. Repukhova, O. Yu. The search for the optimal structure of managing the nationwide “paramilitarization” in the USSR in the 1920s. *Lubyanka Historical Readings. Russian state security bodies during the reorganization and reforms of the XIX–XXI centuries: Proceedings of the XXIV international research conference*. Moscow, 2020. P. 51–60. (In Russ.)
10. Repukhova, O. Yu. Organization of training courses for mobilization personnel of civil People’s Commissariats and other government agencies in the Soviet state. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019;8(185):80–84. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.416 (In Russ.)
11. Senyavsky, A. S. Mobilization model of economic development as the foundation for forced industrial modernization in the USSR. *Historical experience of Russian modernizations of the XIX–XXI centuries: region-specific development: Collection of articles*. (A. S. Bushuyev, Ed.). Kazan, 2012. P. 126–137. (In Russ.)
12. Simonov, N. S. Military industrial complex of the USSR: Economic growth rates, structure, organization of production, management. Moscow, 2009. 500 p. (In Russ.)
13. Sokolov, A. K. Regimentation of Soviet enterprises. *Regimented people in the USSR*. (T. S. Kondratyeva, A. K. Sokolov, Eds.). Moscow, 2009. P. 99–127. (In Russ.)
14. Fitzpatrick, Sh. Stalin’s peasants. Social history of Soviet Russia in the 1930s. Moscow, 2008. 422 p. (In Russ.)
15. Horhordina, T. I. Classified document keepers. *Regimented people in the USSR*. (T. S. Kondratyeva, A. K. Sokolov, Eds.). Moscow, 2009. P. 67–96. (In Russ.)

Received: 17 January 2023; accepted: 27 February 2023